

Предисловие

Хлопок, известный человечеству уже около пяти с половиной тысячелетий, представляет собой пример универсального продукта, который, по мере того, как исторические эпохи сменяли друг друга, получил тотальное распространение по всему миру и не только не утратил ценности и значимости, но и во многих случаях, вопреки технологическим изобретениям, сохранил свойство незаменимости. Специально-темпоральные характеристики уникального волокна — повсеместное, длительное, постоянное и ощутимое присутствие в сфере материального бытования людей — сделали его привлекательным в качестве исследовательского объекта при изучении проблем глобализации. В современных штудиях последняя истолковывается не только в терминах глобальных экономических связей, но и как «процесс, посредством которого происходит стандартизация культурных проявлений по всему миру через опыт повседневной жизни, маркированный распространением продуктов производства и идей» [Ватсон б.г.]. Вековые путешествия хлопка в виде сырого волокна или готовых изделий, практики их изготовления, использования, обмена предоставляют богатый материал для изучения траекторий освоения человеком поверхности земли и механизмов выстраивания связей между различными регионами и группами обществ в планетарных масштабах.

Именно такой ракурс — позиционирование хлопка как «глобального» продукта — характерен для самых последних работ, что следует уже из их названий. Американский ученый из Гарвардского университета Свен Бекерт в книге «Империя хлопка: новая история глобального капитализма»¹ рассказал историю о том, как менее чем

¹ Спустя год американское издание этой книги вышло под названием «Империя хлопка: глобальная история» [Бекерт 2015].

за столетие, начиная с конца XVIII в., Великобритания, в которой никогда не произрастало ни одного куста этого растения, создала «невероятной величины и мощи империю хлопка» и безраздельно в ней доминировала [Бекерт 2014: x–xi]. Бекерт показывает, как европейцы объединили силы капитала и государства для создания глобального производственного комплекса, а затем использовали деньги, навыки, коммуникационные сети, институты, чтобы обеспечить подъем технологий и благосостояния, что составляет характерные черты современного мира. Автор не ищет объяснений в какой-нибудь одной части мира. Движение капиталов, людей, товаров, сырья по земному шару и связи между отдаленными районами лежат в основе понимания феномена мирового капитализма. Именно его история и трансформация, пропущенные через биографию хлопка, являются основной задачей анализа Бекерта. Английский исследователь из университета Уорвик Джорджио Риэлло выпустил книгу под названием «Хлопок. Материя, которая создала современный мир», охватывающую период в тысячу лет, с 1000 до 2000 г.» [Риэлло 2013]. В ней он задается вопросом, каким образом хлопок стал повсеместным товаром и изменил механизм функционирования экономики по всему миру. При этом он отмечает, что его исследование не имеет конкретной географической привязки (*geographically dislocated*). В противовес Алфреду П. Водсворту и Джулии Мэнн, авторам классического труда «Хлопковая торговля и индустриальный Ланкашир. 1600–1780» [Водсворт, Мэнн 1931], которые пытались ответить на вопрос, как Ланкашир, центр британского текстильного производства и колыбель промышленной революции, повлиял на остальной мир, Дж. Риэлло исследует обратную связь, а именно, как мир трансформировал Ланкашир. За несколько лет до этого Риэлло выпустил два сборника, в названиях которых также активно эксплуатировал понятие «мир». Один совместно с Тиртханкармом Роем — «Как Индия одела мир. Мир южноазиатских тканей, 1500–1850» [Риэлло, Рой: 2009]. Второй вместе с Прасаннаном Партхасаратхи — «Мир пряжи: глобальная история хлопкового текстиля. 1200–1850», куда вошло два десятка статей, не оставивших без внимания ни один сколько-нибудь значимый с точки зрения текстильного производства регион земного шара [Риэлло, Партхасаратхи 2011]. Среди других книг следует назвать работу 2004 г. американского исследователя Стивена Яфы «Большой хлопок. Как простое волокно создавало богатство, разрушало цивилизации и поместило Америку на карту». В аннотации к ней говорится, что автор прослеживает культурную, экономическую и социальную историю самого «дружелюбного в мире волокна» в пространстве и времени от древних царств Месопотамии до магазинов торговой марки *Gap* [Яфа 2004]. Двумя

годами позже эта же книга появилась под другим названием — «Биография революционного волокна», которая «фокусируется на хлопке в Америке, но имеет в виду весь мир» [Яфа 2006]. Такой же «глобализационный» подход использован в сборнике под редакцией Дугласа Фарни и Дэвида Джереми «Волокно, которое изменило мир. Хлопковая индустрия в международной перспективе. 1600–1990-е» [Фарни, Джереми 2004].

Нити, которые протянуты в предлагаемой вниманию читателей книге, не опутывают весь земной шар, а связывают одну богатую хлопком территорию Центральной Индии с местами локализации британских политических и коммерческих интересов на территории как Индостана (Калькутта, Бомбей²), так и Великобритании (Лондон, Ланкашир) во временном отрезке с 1750-х до 1870-х гг. Топоним «Центральная Индия», изобретенный и введенный в употребление колониальным чиновником Джоном Мэлкомом в начале XIX в. [Мэлком 1824], передавал идею местоположения региона в центре субконтинента. В середине XVIII в. на этих землях находилось Нагпурское княжество с центром в городе Нагпур, входившее в состав Маратхской конфедерации, одной из нескольких и самой мощной политий в Индостане в то время. Именно тогда завязались первые контакты между правителями княжества и британской Ост-Индской компанией. После включения этих территорий во второй половине XIX в. в состав Британский Индии они образовали новые административные единицы — Центральные провинции и Берар — приблизительно в границах хартленда бывшего Нагпурского княжества. Однако не только формальные границы позволяют выделять данную часть полуострова в отдельный регион. Бернард Кон в работе, посвященной концептуализации этого термина, писал, что «логически регион имеет отношение к какой-то части поверхности земли... Однако для большинства из нас регион подразумевает негеографический (у Кона употреблено слово нефизический. — С. С.) феномен, который можно охарактеризовать как исторический, лингвистический, культурный, социально-структурный или сочетающий в себе элементы каждой из этих разновидностей» [Кон 1987: 102]. В свою очередь исторические регионы

² Так как книга посвящена событиям XVIII–XIX вв., то вместо современных Мумбаи и Колката используются старые, колониального периода названия Бомбей и Калькутта. То же относится и к некоторым другим случаям, например, Бенарес вместо современного Варанаси, Визагапаттам вместо Висакхапаттам, Танджор вместо Танджавур. Также здесь используются принятые в индологических исследованиях написания некоторых названий, которые отличаются от общеупотребительной практики, например, Пенджаб вместо Панджаб, река Ганга (ж.р.) вместо реки Ганг (м.р.) и т. д.

Кон поделил на несколько типов, один из которых он обозначил как «тупиковый (*cul de sac*)» или регион «относительной изолированности»³. Эколого-географические характеристики такого региона препятствуют легкому проникновению людей, что оставляет его за пределами активного влияния исторических процессов и событий [Там же: 111]. Именно Центральную Индию Б. Кон привел в качестве классического примера зоны изолированности или «физической негостеприимности». Можно привести слова Г. Т. Колбрука, одного из первых британских резидентов при дворе нагпурского раджи, который характеризовал его владения как «лежащие по большей части в гористой местности, почти полностью изолированной и непроизводительной» [Синха 1950: 10]. Такая типологизация региона в рамках настоящего исследования представляется обоснованной и достаточной, так как он рассматривается не «изнутри», а «снаружи», через англоязычные тексты, созданные британцами, для которых функциональными центрами их индийской империи были географические периферии — прибрежные Калькутта, Бомбей и Мадрас, из которых «более центральной» считалась Калькутта, власти которой обладали правом принятия «общеиндийских» решений. Отношения же британцев с функционально периферийной Центральной Индией — это история о том, как они пытались добраться туда и выбраться оттуда, поначалу сами, а позднее с ее главным богатством — хлопком.

Узко локализованное исследование позволяет в деталях рассмотреть, как хлопок, поначалу мало заметный, почти не принимаемый во внимание англичанами, превратился в один из главных предметов их интересов и залог экономической мощи. Процессы, которые в мировом масштабе С. Бекерт идентифицировал как глобальный капитализм в действии, применительно к Центральной Индии имеет в большей степени отношение к локальному колониализму как особой форме экономического и политического доминирования. Высматривание и рассматривание хлопка происходило параллельно проникновению британцев на территории Центральной Индии, их укоренению там и в конечном итоге присвоению этих земель. Процесс поэтапной апроприации пространства проходил при помощи свойственных пришедшей европейской культуре методов, механизмов, приспособлений

³ Два других типа — это: 1) нуклеарные регионы (*nuclear* или *perennial*), сформированные в бассейнах рек (в Индии это — Нармада, Тапти, Годавари, Кришна, Инд или Ганга) и обладающие экологическими и сельскохозяйственными предпосылками для складывания устойчивых политических образований; 2) маршрутные регионы (*route areas* или *shutter zones*), через которые пролегают крупные дорожные артерии с большим людским потоком, поэтому такие регионы не обладают устойчивыми политическими традициями [Кон 1987: 109–111].

и идейных обоснований. Применявшиеся ими способы и инструменты (от новейших измерительных приборов и оружия до каталогизирования природных и человеческих ресурсов и научных методик исчисления земельного налога) в той или иной мере характеризовали британскую культуру как модерную или современную, поэтому колонизация земель была сродни процессу модернизации.

Одна из традиционных трактовок понятия современности связывает ее с определенным историческим этапом развития человечества, для которого свойственны радикальные, довольно стремительные и разнохарактерные изменения в жизни общества, определяемые такими характеристиками, как индустриализация (включая развитие новых технологий), урбанизация, интернационализация коммерческих, экономических и интеллектуальных связей, углубление разделения труда, секуляризация, бюрократизация, становление национальных государств с неизбежной централизацией власти и этнической солидарностью, демократизация, распространение и повышение уровня образования. Несложно заметить, что этот набор включает характеристики общества и государства, первоначально сформировавшиеся на территории Европы и Северной Америки. Такой подход в последнее время подвергается критике, в частности в рамках колониальных и постколониальных исследований, где происходит отказ от европоцентристского взгляда на феномен современности и процессы модернизации (см. напр. [Моханти 2011; Бхамбра 2007]). Однако для целей настоящей работы, которая освещает события XVIII–XIX вв., устоявшиеся дефиниции модерности вполне применимы, так как составляющие ее элементы в той или иной степени внедрялись британцами на контролируемых ими землях.

Речь в книге идет о колониальной форме модернизации, т. е. навязанной, нередко насильственной, директивной, осуществляемой по инициативе иностранной политической элиты, которая ставила перед собой задачи втаскивания отстающих в ее понимании территорий и населяющих их народов на следующую цивилизационную ступень и их интегрирования в Британскую империю. Колониальная модернизация хотя и стремилась к системности и тотальности, но, как правило, носила неравномерный и частичный характер, что объяснялось, прежде всего, прагматическими целями колонизаторов, ограниченными возможностями их финансовых и административных ресурсов, а также уровнем адаптивного потенциала местного населения. Как пишет К. Бейли, «термин „колониальная современность“ (*colonial modernity*) широко использовался в последних исследованиях для описания той культурной и эпистемологической модели, которая была политически санкционирована, но культурно чужда и насильственна для индийцев»

[Бейли 2012]. Понимание важности и значимости локальных реакций и влияний привело к тому, что в современной историографии модернизация трактуется не только и не столько как вертикально (хронологически) выстроенная модель перехода от традиционности к современности или от «нецивилизованности» к «цивилизованности», но и как сочетание эндогенных и экзогенных факторов, что предполагает учет горизонтальных (пространственных) связей. Последнее вновь возвращает нас в лоно глобализационных исследований. Роланд Робертсон обратил внимание на «очевидную тенденцию рассматривать глобализацию как крупномасштабный феномен... Это часть мифа о глобализации, который знаменует победу культурно гомогенных сил над всеми другими. Такой подход включает и другие сомнительные утверждения, будто „чем больше, тем лучше“, а локальность — и даже — история — стираются» [Робертсон 1995: 25]. Он предложил ввести концепцию *глокализации* с тем, чтобы избежать неоправданной интернационализации, унификации, антиэтноточности в суждениях, сдерживать натиск большого на малое, уравновесить и уравнивать «в правах» действия локальных и глобальных сил и факторов. Например, очень ценные и обстоятельные исследования об индийском хлопке Лакшмана Сатъя, Майка Дэвиса и Свена Бекерта [Сатъя 1997; Дэвис 2001; Бекерт 2004] тем не менее «предлагают единое и обобщенное понимание проблемы хлопка и монолитный взгляд на власть колониального государства. В их интерпретации оно обладает неограниченными возможностями к принуждению земледельцев выращивать исключительно хлопок для нужд колониальной экспортной экономики в период Гражданской войны в США» [Хазарисингх 2012]. Это позволяет им «списывать» на британские власти в Индии, как носителей доминирующей модернизационной идеологии, все сбои в функционировании местных социально-экономических и экологических систем. Однако пристальное разглядывание локальной и очень неоднозначной по своим результатам деятельности британцев в Центральной Индии на протяжении почти 100 лет дает возможность увидеть пределы колониального «насилия» и уровень сопротивляемости местных обществ, их моделей жизнедеятельности и ограниченности природного потенциала этих территорий⁴.

В процессе нащупывания пределов и границ возможного создавалась зона контактов между местной и пришлой культурами. В рамках школы постколониальных исследований эта зона рассматривается как пространство гибридизации, где выстраиваются связи и теряют свою первичную идентификацию как колонизованные,

⁴ В таком ключе написаны работы [Хазарисингх 2012; Деюнг 2013].

так и колонизаторы [Бхабха 1994]. Такое понимание колониального столкновения позволило частично преодолеть имперское наследие в виде жестко поляризованной бинарной системы, противопоставлявшей западных угнетателей и восточных угнетаемых и заменить ее на политически аморфные представления о колониализме как совместном предприятии, предполагающем новые формы кросс-коммуникации между разными идеологическими/культурными языками, или как диалогическом процессе, включающем сложные взаимоотношения и обмен [Триведи 1993, Ганди 2009]. Концепция гибридности представляется весьма плодотворной при исследовании адаптационных стратегий, вырабатываемых вовлеченными в колониальный проект сторонами, их способов приспособления к новым вызовам и изменявшимся условиям.

Хлопок в качестве объекта исследования оказался «удобным» для изучения описанных процессов, так как обнаруживается и на локальном, и на глобальном уровнях. С одной стороны, хлопчатник является одной из главных сельскохозяйственных культур Центральной Индии. Информация о нем собиралась британцами по крупницам, пока не сложилась ко второй четверти XIX в. в цельную картину, что определило их узко направленный интерес к региону и заставило усилить притязания на него. С другой стороны, именно хлопок стал основной сырьевой составляющей промышленного рывка, совершенного Великобританией на рубеже XVIII–XIX вв. Можно вспомнить известную фразу Эрика Хобсбаума: «Любой, кто говорит об индустриальной революции, говорит о хлопке» [Хобсбаум 1999: 34]. Оказавшись в водовороте общемировых процессов модернизации, хлопок стал не только фетишем, но и активным действующим лицом эпохи массового производства и потребления, втянувшим веками изолированную от всего мира Центральную Индию в систему планетарных экономических связей, где в то время доминировала Великобритания.

На субъектность, одушевленность вещей, их способность участвовать в событиях и влиять на них обратили внимание исследователи, использующие в качестве методологической концепции парадигму материальности (напр. [Хикс, Бодри 2010; Аппадурай 2003; Джерристен, Риэлло 2016; Улрих, Гаскелл и др. 2015; Раппапорт 2008]). Принимая за категорию научного анализа материальный объект, они фокусируют внимание на мире, выходящем за пределы одушевленного, на мире полезных/бесполезных вещей, которые определяют мотивы поведения и интенции отдельных людей и общностей, влияют на траектории их передвижений, складывание территорий и границ, диктуют принятие тех или иных геополитических и экономических решений,

воздействуют на выработку идеологических доктрин и подвергают их зачастую серьезным корректировкам. Именно такой подход стал доминирующим в настоящей книге, где речь, в частности, пойдет о материальных формах и о вещественных практиках организации колониальной формы правления. Идеи гегемонии, улучшения, прогресса в Центральной Индии артикулировались в связи с проблемами хлопка. А само политико-экономическое доминирование британцев материализовывалось через множество других объектов и вещей, из которых постепенно складывался визуальный облик колониальной культуры, принесшей новые способы бытования. Хлопок в этой книге не только главная «вещь», но и собирательный образ других предметов, через которые британская культура экспонировала себя и с помощью которых довела над этими землями.

Прежде чем рационально разместить свой «скарб» в пространстве, пришлые из-за моря чужестранцы принялись за изучение незнакомой территории, составили ее опись, создали уменьшенный макет (карту) и сконструировали образ, удобный для понимания. В книге Бруно Латуре «Наука в действии...» есть специальный раздел «Действие на расстоянии», в котором автор задается вопросом о том, как узнать «о вещах, людях и событиях, которые находятся или происходят далеко». Что толку, рассуждает он, в пропавшей экспедиции, после которой не осталось ничего. Следующая за ней отправится в путь в таком же неведении. Важно, чтобы первопроходцы не только вернулись, но «нашли способ доставить [открытые] земли (*the lands*) назад таким образом, чтобы кто-то другой смог увидеть их», и тогда их последователи быстро продвинутся по уже «знакомым» дорогам и привезут домой «новые куски карты». Латур пишет: «невозможно дать определение тому, что называется „знанием“, без объяснения того, как оно добыто. Иными словами, „знание“ не может быть описано само по себе или как оппозиция „незнанию“ или „вере“, необходимо представлять полный цикл его обретения» [Латур 1999: 220]. В колониальном контексте, где расстояния, пространственный разрыв между нуждающимися в знании колонизаторами и местами его обретения были весьма велики, вопрос придания информации видимой, осязаемой, а главное, компактной и транспортабельной формы был очень актуален. И главными способами такого преобразования были картография, создание коллекций артефактов и собрание словесных описаний/перечней увиденного. Первая позволила придать необъятным пространствам вид плоского листа бумаги, на котором уместились расстояния в сотни и тысячи миль, и который можно было сложить, соединить с другими, пришить на стену. Латур продолжает: «Задача доминирования над землей по сложности не уступала

аналогичной цели контролирования экономики территории. Не существует телескопа, чтобы увидеть ее, коллекций, чтобы собрать ее, экспедиций, чтобы зарисовать ее план. И в этом случае наука вновь предлагает метод трансформации всего, что люди производят, продают или покупают, во что-то, что можно мобилизовать, собрать, заархивировать, закодировать, пересчитать и продемонстрировать. Одним из таких методов являются *исследования* путем многочисленных и единообразных опросов...» и сведение полученных данных воедино [Там же: 227]. Даже начальные практики освоения новых земель, в результате которых британцы, не всегда возвращавшиеся назад, не оставляли на них никаких других следов-маркеров, кроме могил, были связаны с целым набором специфических европейских предметов, путешествовавших вместе с ними.

По мере все более активного проникновения на новые территории, узнавания и понимания их «назначения» и «пользы» происходило наращивание материального присутствия колонизаторов. Пришедших становилось больше, они задерживались в Центральной Индии надолго, вели бизнес и брали бразды правления в свои руки, и в результате могилы превращались в кладбища, появлялись колониальные бунгало и «белые» районы на окраинах туземных городов; создавалась разветвленная коммуникационная инфраструктура. Накапливавшиеся вещественные «улики» свидетельствовали о постепенном изменении положения европейцев в Центральной Индии: от заезжих путников в середине XVIII в. до полноправных правителей век спустя. Трансформация статуса британцев и сопутствующего ему визуального ряда на этих землях определила логику настоящего повествования, пять частей которого выстроены в хронологическом порядке.

Однако выработка стратегий деятельности британцев в колонии происходила не только на территории Индии, но и на островах туманного Альбиона. В описываемый период истории двух стран оказались крепко переплетенными, хотя чаще всего они пишутся отдельно. Примечательно, что даже когда речь идет о одновременных событиях в одном месте, на страницах многих книг они оказываются разъединенными. Когда Дж. Ф. Ройл вел рассказ об экспериментах с хлопчатником в Центральной Индии, он подробно описывал ландшафт этих земель, геологическое строение, состав почв, климат и непосредственно различные мероприятия англичан по культивированию этого растения. Однако он ни словом не упомянул, что все это происходило на территории Нагпурского княжества, во главе которого стоял раджа Рагхужи III [Ройл 1851]. Также и немногочисленные истории этого княжества, как правило, посвящены политическим событиям, и британцы

в них фигурируют по большей части как воюющая сторона, союзническая сила или контролирующий орган при дворах князей. Но они не сообщают, за редким исключением, что в это же время британцы обследовали территории, обсчитывали земли, налаживали почтовую связь, прокладывали дороги и т. п.

Во второй половине XVIII — начале XIX в. отсутствием технических возможностей для налаживания быстрых средств связи и соответственно недостатком действенных рычагов для контролирования из Лондона ситуации в колонии объяснялся высокий уровень независимости и властного потенциала индийской администрации, которая принимала многие решения по насущным и неотложным проблемам на свое усмотрение и самостоятельно определяла векторы внутренней политики на полуострове. С появлением современных средств коммуникации, увеличением скоростей, оформлением границ и территориально-административного устройства Британской Индии ситуация стала меняться. Как отмечает Дхарма Кумар, один из авторов «Кембриджской экономической истории Индии», с середины XIX в. в Индии наблюдался интенсивный процесс централизации управления. Контроль Лондона за Индией и Калькутты за провинциями был очень жестким [Кумар, Десаи 1989: 907]. Именно на уровне британского парламента, министерства по делам Индии, Совета при генерал-губернаторе, а затем вице-короле принимались решения, которые задавали и определяли направление и общие контуры британской деятельности в Индии. Объектом унифицированной, общеиндийской политики оказались и территории Центральной Индии после их присоединения к имперским владениям. Чем жестче была связь между метрополией и колониальной окраиной, тем больше событий, имевших отношение к Индии, происходило в Великобритании. Этим объясняется параллелизм исследования, место действия которое сосредоточено на двух концах евразийского континента.

Эта книга является итогом многолетних исследований. Интерес к теме появился еще в студенческие годы в стенах Московского государственного университета, где я начинала свои штудии на кафедре новой и новейшей истории Великобритании под руководством Льва Николаевича Еремина, с которым продолжала работать в тесном контакте и сотрудничестве до его ухода из жизни. Первоначально меня значительно больше интересовала область истории идей и, в частности, вопросы адаптивности британского интеллектуального конструкта «либерализм» на восточной почве. Его неустойчивость, переменчивость, а зачастую и неприменимость за пределами европейской ойкумены заставили меня обратиться к поиску более «постоянного» объекта

исследования. Так, хлопок и неизменный интерес к нему британцев оказались в центре внимания предлагаемой книги. Также мои исследования локализовались в Центральной Индии, где я имела возможность многократно побывать, пожить и поработать в местных библиотеках и архивах.

Эти перемены произошли уже в стенах Института востоковедения Российской академии наук, где одним из первых я повстречала Леонида Борисовича Алаева, ставшего внимательным читателем моих работ и воодушевившего меня ступить на тогда еще зыбкую для меня почву востоковедения.

Нащупать твердую стезю на этой почве мне помогла Ирина Петровна Глушкова, которая в течение двух лет учила меня языку хинди, а затем вовлекла в уникальный и новаторский проект «Под небом Южной Азии», участие в котором позволило мне по-новому взглянуть на свои собственные научные изыскания. Она обратила мое внимание на неожиданные повороты в моей теме, щедро делилась идеями и обширными знаниями в области истории и современных реалий Махараштры, распахнула двери в уважаемые научные индийские организации, желанным гостем которых она давно является, и научила жить в Индии. Я благодарна ей и Абхиджиту Ранадиве за помощь в расшифровке и толковании маратхских терминов, имен и названий.

Я признательна коллегам, принявшим участие в обсуждении рукописи: Е. Ю. Ваниной, Е. Ю. Карачковой, Л. Б. Алаеву, Е. С. Юрловой.

Мои командировки в Индию всегда поддерживались руководством Центра индийских исследований и Института востоковедения РАН. В самой Индии неопределимую помощь в организации плодотворной работы и преодолении различных препон и сложностей оказывали посол России в Индии Александр Михайлович Кадакин и сотрудники посольства в Дели и консульства в Мумбаи.

Исследование по истории Индии не могло быть написано без консультаций с иностранными коллегами — деканом исторического факультета Нагпурского университета доктором Шубхой Джохари, и ее заместителем, доктором С. И. Корети, директором библиотеки Виной Пракаше, директором государственного архива Видарбхи (г. Нагпур, Махараштра) К. Д. Кхандаре, который с необыкновенной быстротой и проницательностью извлекал из недр пыльных полок необходимые папки. Историк и коллекционер древностей, знаток истории Нагпурского княжества доктор Б. Р. Андхаре любезно пригласил меня в свой дом на экскурсию и позволил в тиши кабинета изучить его богатейшую библиотеку. Также радушно распахнули передо мной двери библиотеки Пунского, Калькуттского, Хайдарабадского университетов, отделений Азиатского общества в Калькутте и Бомбее, Совета

по историческим исследованиям в Дели, Британского музея и Школы азиатских и африканских исследований в Лондоне, а также Национальный архив Индии в Дели, музей железнодорожного транспорта в Нагпуре.

Жизнь свела меня с далекими от науки людьми, жителями Нагпура, Джайей и Нарешем Сабзивала, которые неизменно оказывали мне гостеприимство каждый раз, когда я приезжала в Нагпур, показывали свой город и его окрестности, учили тонкостям мартхской кухни, решали мои житейские проблемы.

И, конечно, я бесконечно благодарна своим родителям, мужу и детям без любви, поддержки и колоссальной помощи которых эта книга никогда бы не появилась на свет.

Часть I

1750-е — 1803:

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

ГЛАВА 1

Нагпурское княжество: обретение и приращение территорий

Центральные регионы Индии были самыми удаленными областями от первоначальных территориальных оплотов британцев, прибывших на Индостан по морю и основавших свои фактории на побережьях Бенгальского залива и Аравийского моря. К 1763 г., когда в Европе завершилась Семилетняя война (1756–1763), военный театр которой разворачивался и на Индийском субконтиненте, британская Ост-Индская компания упрочила свои береговые территориальные позиции. Так, она уверенно обосновалась в Бенгалии и Бихаре, низведя вскоре после победоносной битвы при Плесси (1757) местных *навабов* до положения марионеточных правителей и получив полный политический контроль и право собирать налоги с этих территорий, а также в Северных Сиркарах — узкой полоски земли вдоль восточного побережья Бенгальского залива — которые ей достались от побежденной Франции, и на небольших пространствах вокруг Бомбея и Сурата на западном побережье Индостана и вокруг Мадраса — на юго-восточном¹. Кроме того, оставив французам несколько населенных пунктов без права возводить там укрепления и содержать армии, Компания обеспечила себе свободу действий и отныне имела в качестве серьезных оппонентов лишь местных правителей, владения которых были раскинуты по всему огромному полуострову.

Дальнейшее грамотное выстраивание военно-дипломатических отношений с индийскими политиями и успешное продвижение британцев вглубь субконтинента в немалой степени зависели от хорошего знания этих земель. Не полагаясь на случайную информацию, английские генерал-губернаторы, лелеявшие планы расширения зоны влияния, всемерно поощряли усилия ученых-картографов, которые

¹ См. карты на цветной вкладке.

начиная со второй половины XVIII в. старательно наносили на бумагу очертания полуострова, изгибы рек, неровности рельефа, населенные пункты. В 1767 г. в Индии была основана Топографическая служба (Survey of India). А уже в 1782 г. возглавивший ее Джеймс Рэннел (1742–1830), снискавший себе славу «отца индийской географии», создал одну из первых современных карт Индии. На ней помимо территорий на северо-западе полуострова еще одним почти незаполненным местом оказался находящийся в фокусе данного исследования регион в центре Индии. На эту графическую особенность обратил внимание и Дж. Ф. Леки, который в коротком вступлении к «Дневнику путешествия в Нагпур» (а именно этот город и стал географическим узлом, стянувшим вокруг себя исследуемый регион), совершенного его братом Дэниэлом Робинсоном Леки в 1790 г., отметил, что на публикацию личных записей, первоначально предназначенных для узкого круга друзей и родственников, он решился, чтобы дать представление публике о той части Индии, которая «мало известна европейцам» и даже на «Главной карте Рэннела осталась пустой» [Леки 1790: б.с.]. И 30 лет спустя Джон Мэлком, крупный чиновник Ост-Индской компании, писал, что регион «с трудом можно было обнаружить на самых лучших картах» [Мэлком 1824, I: iii]. Картографической «пустоте» долгое время сопутствовала историографическая *tabula rasa*. К. Ю. Уиллс, чиновник Индийской гражданской службы², автор одного из первых исследований о Нагпурском государстве во 2-й половине XVIII в., вышедшего в 1926 г., отмечал, что для его книги вполне подошло бы название «Сорок забытых лет». «Английский читатель, если только он не пытался по крупинкам собрать воедино обрывочные упоминания о нагпурских маратхах в *magna opus* Джеймса Гранта Даффа³, не может даже в общих чертах представить себе их историю от падения Могольской империи до британского завоевания в 1803 г.» [Уиллс 1926: 1–2].

Между тем к середине XVIII в. до этих территорий дотянулась одна из маратхских княжеских династий — нагпурские Бхосле⁴, распространив тем самым земли Маратхской конфедерации до западного побережья Бенгальского залива и до самой Бенгалии. Появление на политическом ландшафте Индии государства маратхов связано с именем завоевателя Шиваджи Бхосле, который в 1674 г. принял титул

² Индийская гражданская служба — основана в 1858 г., представляла собой штат чиновников, которые отвечали за административное управление Британской Индией.

³ Имеется в виду трехтомная «История махраттов» Джеймса Гранта Даффа, вышедшая в 1826 г. [Грант Дафф 1826].

⁴ В литературе можно встретить написание Бхосла, Бхонсле.

*чхатрапати*⁵ и короновался в крепости Райгад в западной части современной Махараштры, ставшей столицей его «вотчины» и при его потомках перенесенной в город Сатару. Добиваясь различными путями у теряющего политическое влияние могольского императора, сидевшего на троне в городе Дели, *санада*⁶ на сбор *чаутха*⁷ и *сардешмукхи*⁸ со все новых и новых земель, маратхские военачальники брали их под свой контроль, постепенно создавая вереницу геополитических образований, которые позднее, при британцах, получили обозначение княжеств, а сами они — условные титулы князей. Все они находились в подчинении у *чхатрапати*, а затем у *пешв*⁹ — формально первых министров *чхатрапати*, но реально самостоятельных политических фигур, со временем заменивших главу государства и обосновавшихся с 1750 г. в городе Пуне. Несмотря на зависимость от сатарского, а потом и пунского тронов, княжества обладали высокой долей автономии, нередко вступая в конфликты друг с другом, что, видимо, и подвигло британцев уже в колониальное время определить эту политику как конфедерацию. Поэтому на британских картах, отображающих геополитическую ситуацию в Индии XVIII в., наряду с общими границами государства маратхов, можно видеть владения самых крупных и влиятельных входивших в его состав доменов, включая «хартленд» *чхатрапати* и *пешв* вокруг Сатары и Пуны, территории Холкаров, Синдия и Гайквадов. Все они, прижатые к западной части Индостана, растянулись по вертикали на огромное расстояние, упершись на севере в княжество Ауд (Аудх, Авадх) и земли сикхов, а на юге в территории Майсура и Хайдарабада, вышедшие из-под контроля могольского императора и ставшие самостоятельными. А к востоку от доменов перечисленных маратхских княжеств, занимая всю Центральную Индию, лежали те самые «пустые» земли, где властвовали князья нагпурских Бхосле, или, как их еще называли, раджи Берара.

Первые представители этой маратхской ветви еще в качестве *сардаров*¹⁰ Шиваджи обосновались в Бераре, в городе Бхаме. Берар *de jure*

⁵ *Чхатрапати* — букв. «обладатель зонта», «царь», титул верховного правителя в Махараштре. Представители этого клана принадлежали к кшатрийской касте *маратха*.

⁶ *Санад* — документ о признании сюзереном чьих-либо прав на правление/владение землей.

⁷ *Чаутх* — налог в размере четверти доходов.

⁸ *Сардешмукхи* — десятая доля общих налоговых поступлений, взимаемая в дополнение к *чаутху* на территориях, подвластных маратхам, в XVIII в.

⁹ *Пешва* — главный министр в государстве маратхов/Маратхской конфедерации с конца XVII по начало XIX в., в XVIII в. — фактический глава государства. *Пешвы* принадлежали к брахманской *варне*.

¹⁰ *Сардар* — военачальник в маратхской армии.

входил в зону юрисдикции *низама*¹¹ Хайдарабада после объявления им о своей независимости в 1724 г. от Моголов, однако «Бхосле рассеяли своих военных по всей провинции [Берару], расставили везде войска, собирали больше половины¹² налогов, хотя всегда и признавали низама сувереном этих земель» [Лайалл 1870: 122]. Этот район официально именовался *do-amli*, что означало «совместное управление». Поэтому тем курьезнее выглядит тот факт, что англичане часто титуловали нагпурских Бхосле как раджей Берара. Именно так — территория раджи Берара — на карте Рэннела обозначен «пустой» кусок в восточной части Центральной Индии. На самом деле единственным официальным титулом, которым обладали будущие нагпурские властители, был *сенасакхес субы*¹³, полученный в 1699 г. от сатарского *чхатрапати* Раджарам Парсоджи (I), сидевшим на «престоле» в Бхаме до 1710 г.

Обретение же собственных территорий Нагпурским княжеством связывают с именем Рагхуджи (I) Бхосле (1730–1755), который считается основателем династии. В 1730 г., встав в конфликте между своим дядей Канходжи (1710–1730)¹⁴ и *чхатрапати* Шаху (1708–1749), внуком Шиваджи, на сторону последнего, он отправил родственника в сатарскую тюрьму и занял его трон в Бхаме. В дальнейшем Рагхуджи, умело участвуя в разрешении внутренних конфликтов в соседних княжествах династии Гонда — Девгад¹⁵, Гадха–Мандла, Чанда¹⁶, быстро обрел полный контроль над ними. И в 1737 г. он перебрался в город Нагпур на территории Девгада, сделав его своей столицей.

В 1840–1841 гг. Рагхуджи, оказывая военную помощь Шаху, успешно участвовал в походе в южные земли, в Карнатак, где после смерти могольского шаха Аурангзеба (1618–1707) шел передел территорий между местными *навабами*¹⁷. Этот рейд не принес Рагхуджи земельных приобретений, однако в награду ему была пожалована *мокаса*¹⁸ Берара и Гондваны. Тогда же завязались контакты между

¹¹ *Низам* — титул независимых правителей княжества Хайдарабат (с 1724 г.).

¹² Доля составляла 60 %.

¹³ *Сенасакхес субы* — глава армии *субы*. *Суба* — В Могольской Индии: провинция, фискальная территориальная единица.

¹⁴ По некоторым источникам, именно во время правления Каноджи титул *сенасакхес суба* стал наследственным.

¹⁵ Маратхский вариант названия местности. Также можно встретить употребление Деогарх.

¹⁶ Собирательное название этих земель Гондвана.

¹⁷ *Наваб* — правитель, наместник, титул мусульманского феодала.

¹⁸ *Мокаса* — две трети собираемых податей с подвластных маратхам территорий, которые оставались в распоряжении *сардаров* и использовались ими для содержания армии. Остальные средства отправлялись в казну *чхатрапати* и первых лиц при его дворе.

нагпурскими Бхосле и британцами. Первые активно угрожали европейским факториям¹⁹.

После завершения южного похода в течение десяти лет, с 1741 по 1751 г., Рагхуджи активно продвигался на восток в сторону Бурдвана, Ориссы, Бихара и Бенгалии, регулярно делая вылазки против бенгальского *наваба* Аливарди-хана (1671–1756). Первые попавшиеся на пути маленькие княжества Райпур, Ратанпур, Биласпур и Самбалпур, составлявшие область Чхаттисгарх, он подмял, присоединив к своим владениям. Натиск войск Рагхуджи был столь мощным, что *пешва* Баладжи Баджи-рав (1740–1761), опасаясь укрепления нагпурских князей, предложил бенгальскому *навабу* помощь взамен на уплату им в пользу Шаху *чаутха* и в свою — 22 *лакхов*²⁰ рупий. Столкновение с Рагхуджи у Пасета в 1743 г. вынудило *пешву* отойти в Пуну, князя — в Нагпур, а Шаху выступить миротворцем и заставить поссорившихся маратхов заключить договор, разграничивший между ними зоны влияния: за Нагпуром закреплялись земли к востоку от Берара, за Пуной — к западу. После разделения контролируемых территорий ничто не мешало Рагхуджи перекраивать границы на востоке Индии. По договору 1751 г. уставший от войн 80-летний Алаварди обязался уплачивать ежегодно нагпурским Бхосле 12 *лакхов* в качестве *чаутха* с Бенгалии, Бихара и Ориссы. При этом Орисса (или Каттак), т. е. огромная территория вплоть до Баласора и реки Суварнарекхи, хотя номинально оставалась под контролем Бенгалии²¹, но все налоговые сборы, а не только *чаутх*, выплачивала в маратхскую казну. На престоле Бенгалии оставался ставленник Рагхуджи Мир Хабиб, поддерживавший его в борьбе с *навабом*. Кроме того, за эти годы на территории Берара Рагхуджи вывел из-под контроля *низама* и подчинил себе три важных форпоста с прилегающими к ним землями — крепости Гавилгарх, Нарнала и Маникдруг.

В этот период прямых столкновений между маратхами и британцами не было. Однако последние были сильно напуганы постоянными набегами воинствующих соседей. Вещественным воплощением их страха стал ров длиной в три мили, вырытый в 1742 г. вдоль северной границы города Калькутты. Он так и остался известен в истории как

Рагхуджи I Бхосле

¹⁹ Подробнее см. [Гадре 1994: 2–4].

²⁰ *Лакх* — сто тысяч.

²¹ Оригинал договора 1751 г. не сохранился.

Маратхский ров. В современной Калькутте о нем напоминает улица с одноименным названием. Кроме того, изрядно страдали английские торговые операции в Бенгалии, что наносило серьезный материальный урон Ост-Индской компании и определяло антимаратхский крен в ее политике.

Весомое положение Нагпурского княжества в системе Маратхской конфедерации к концу правления Рагхуджи объяснялось не только серьезными территориальными приобретениями, но и первоначальным источником его могущества. Как пишет К. Уиллс, «не так широко известно, что Рагхуджи играл исключительную роль в общей маратхской истории... Его семья имела более высокий статус, чем Синдия и Холкары, так как последние были креатурами пешв, а нагпурские Бхосле своим возвышением были обязаны раджам Сатары... Когда последние оказались подмяты пешвами и потеряли влияние, первые подхватили знамя традиционного противостояния, которое сохраняется и по сей день, между брахманами и маратха²². Это в свою очередь вынуждало их поддерживать любые враждебные по отношению к пешвам силы» [Уиллс 1926: 8–9]. Иными словами, Нагпурское княжество возникло независимо от *пешв*.

Следующие после смерти Рагхуджи годы были отмечены внутренним спором между двумя его старшими сыновьями — Джаноджи (1755–1772[3]) и Мудходжи, претендующими на престол. При посредничестве *пешвы* Баладжи Баджи-рава (1740–1761) он разрешился в пользу первого. Джаноджи не обладал отцовским талантом военачальника и оказался не слишком умелым дипломатом. Несмотря на то, что Рагхуджи, вопреки договоренностям с Шаху, никогда не поддерживал Баладжи Баджи-рава в его военных кампаниях, он, тем не менее, избегал открытой конфронтации с ним. Джаноджи и Мудходжи, напротив, демонстрировали враждебность пунским властителям — не делали подношений, не отчисляли необходимые средства в их казну и, главное — устранились от участия в исторической битве при Панипате в 1761 г.²³, поражение в которой положило начало угасанию так и не набравшей политической мощи Маратхской конфедерации, «так как с этого момента правители отстаивали только свои собственные земли» [Газетир 1908–1931, II: 441]. Джадунатх Саркар, главный редактор

²² В данном случае имеется в виду каста. В этой книге используется в неизменяемой форме в отличие от маратхов — этнонациональной группы, составляющей большинство на территории современной Махараштры.

²³ Панипат — город в 120 км к северу от Дели. Битва состоялась 14 января 1761 г. между войсками Маратхской конфедерации и силами афганцев во главе с пуштунским правителем Ахмад-шахом Абдали/Дуррани. Подробнее о битве см. [Глушкова 2012: 238–265].

многотомного издания документов по истории Маратхской конфедерации, писал в предисловии к пятому тому: «В то время как Синдия, Гайквары и Холкары проливали кровь на поле Панипата, ни один нагпурский солдат не принял участие в национальной битве с общим врагом маратхской гегемонии» [Кале 1938: i].

В последующие годы разворачивалось жесткое противостояние между *пешвой* Мадхав-равом I (1761–1772) и *низамом* Хайдарабата, в котором их ближайший сосед Джаноджи поддерживал поочередно то одного, то другого, восстановив, в конце концов, против себя обе стороны. Это привело к тому, что в 1765 г. *пешва* вторгся во владения Бхосле и вынудил последнего подписать в 1766 г. невыгодный договор, который пошатнул как материальное, так и политическое положение нагпурских князей. А в 1769 г., после еще одного похода *пешвы* против Джаноджи, закончившегося разорением и сожжением Нагпура, его властитель, растеряв нажитый отцом политический капитал, признал превосходство пунского правителя и подписал с ним в Канакпуре соглашение, по которому среди прочего обязался выплачивать *пешве* ежегодную контрибуцию в размере 5 *лакхов* рупий, предоставлять войска по требованию, не укреплять и не увеличивать свою армию, без согласия *пешв* не вступать в отношения с императором Дели (Великим Моголом), *навабом* Ориссы, *низамом* Хайдарабата и британцами²⁴.

Последние, как уже упоминалось выше, за это время разобрались с европейскими конкурентами на субконтиненте и упрочили свое положение на северо-востоке Индостана. Именно конфликты, в которых погрязли маратхи, вовремя не оказавшие помощь могольскому императору Шах-Аламу II, бенгальскому *навабу* Мир-казиму и *навабу* Ауда, в немалой степени поспособствовали укреплению позиций британцев в Бенгалии. В 1764 г. они одержали победу над объединенными силами императора и *навабов* в битве при Буксаре, итогом которой стало среди прочего получение в 1765 г. *фирмана*²⁵, *предоставившего им право дивани*, т. е. сбора налогов от имени императора с территорий Бенгалии, Бихара²⁶. Еще несколько лет на этих землях просуществовала двойная система управления, когда часть властных функций сохранялась в руках императорского наместника — бенгальского *наваба*. Однако в 1772 г., в год смерти Джаноджи, эта система была упразднена, и *наваб* стал получать пенсию от Ост-Индской компании.

²⁴ Подробнее о годах правления Джаноджи см. [Коларкар 1984].

²⁵ *Фирман* — в Делийском султанате и Могольской Индии: указ правителя.

²⁶ В том же 1765 г. британцы потревожили маратхов и с другой, западной стороны, когда Бомбейское правительство захватило мощную крепость Малван.